

Глава 29: Ответственность мужа

"Ван Фэнь класс 2.3, Чэнь Цай класс 1.6 и Лу Жун класс 1.3 идите в отделение связи, чтобы получить квитанцию о денежном переводе."

В конце урока из громкоговорителя на крыше начальной школы Лунцюань прозвучал голос по всему кампусу.

Начальная школа Лунцюань — это небольшая деревенская школа. Все учащиеся — дети из нескольких деревень на горе Лунцюань. Многие из них — брошенные дети, чьи родители работают за пределами горы.

Родители начали отправлять деньги пожилым людям домой, но старики были очень нечувствительны к своим именам. Иногда почтальон кричал на всю деревню: "Кто такой Ван Дунлай? Кто такой Ван Дунлай из восточной части Лунцюань?" Никто не отвечал, даже если кричали полдня.

Старики смотрели друг на друга, прошло некоторое время, прежде чем кто-то ткнул человека рядом: "Эй, тебя, кажется, зовут Ван Дунлай."

Последний просто отправлял квитанцию о денежном переводе непосредственно в школу, пусть ребенок заберет ее домой. Адрес школы точен и удобен, поэтому время от времени находились ученики, вызывающе зависть тем, что идут в отделение связи для получения квитанции о денежном переводе.

Лу Жун лежал в классе и делал домашнее задание, услышав гудок, он не обратил внимания на содержание, пока сосед по столу не позвал его: "Лу Жун, иди и возьми квитанцию о переводе в комнате связи."

Лу Жун был немного ошеломлен. Он никогда не слышал своего имени в трубке вещания. Подтвердив это, он с тревогой направился в комнату связи, все еще не веря в это.

"Ван Фэнь, вот, возьми. Чэнь Цай, ой, на этот раз твой папа прислал слишком много. Лу Жун... Лу Жун уже здесь? Кто Лу Жун?"

Лу Жун взял квитанцию о денежном переводе у учителя, отправляющего и получающего письма, и начал читать на обратном пути в класс.

"...Улица Хэфэн, район Хэсю, город Пекин... Шэнь Цзицзе."

Когда Лу Жун вернулся в класс, одноклассники окружили его.

Так всегда бывает, если кто-то получает квитанцию о денежном переводе, весь класс должен взглянуть на нее. Тонкие листочки бумаги передаются друг другу, и даже если вы прикоснулись к ним всего на секунду или две, вы сможете ощутить радость при взятии ее в руки.

— Это единственное, что они могли получить в обычные дни — заботу и любовь своих родителей из далеких мест.

"Лу Жун, Лу Жун, кто прислал тебе деньги?"

"Это твои родители? Сколько они отправили?"

"У Лу Жун нет родителей, так что это, должно быть, прислал кто-то другой."

...

Деревенские дети не были хитрыми и изворотливым, они говорили прямо, но Лу Жун не волновали эти слова, его глаза загорелись, лицо покраснело от волнения, он не мог удержаться от смеха, сидя на месте.

Через некоторое время он с гордостью сказал: "Мне это прислал мой гэгэ. Смотрите, Шэнь Цзицзе — это имя моего гэгэ."

Когда он говорил это, его подбородок был гордо поднят, ему не хотелось прямо говорить, что это были деньги на содержание семьи, присланный его мужем, его интуиция подсказывала, что, если он так скажет, над ним посмеются.

"Твой гэгэ, твой гэгэ такой милый, давай посмотрим, сколько там денег, давай посмотрим," — все одноклассники уставились на квитанцию о денежном переводе в его руке.

Лу Жун осторожно развернул квитанцию, и несколько голов тут же склонились над ней.

"17 800! Лу Жун, твой брат прислал тебе 17 000 юаней!" — Закричал толстый мальчик.

Лу Жун был ошеломлен этим огромным числом.

Другой ученик погладил его по голове: "Под иероглифом сто стоит цифра один, всего 178 юаней."

"Это на карандаши, которые мой гэгэ попросил купить."

Квитанция была роздана всем ученикам в соответствии с процедурой. Лу Жун, как и другие ученики, получившие квитанцию, продолжал с тревогой смотреть на нее, опасаясь, что ее разорвут. Если бы кто-нибудь посмотрел на нее еще хоть секунду, он бы вырвал ее из рук.

Когда квитанция о денежном переводе вернулась в его руку и окружающие одноклассники разошлись, он с радостью присмотрелся повнимательнее, потрогал написанные на ней слова руками, а затем осторожно положил ее в книжное отделение своей школьной сумки.

Но прежде, чем он смог немного порадоваться, он снова подумал о трости дедушки Цая, и его настроение становилось то тревожным, то радостным.

В течение всей второй половины дня он все время отвлекался, время от времени залезая в школьную сумку и проверяя, на месте ли его квитанция.

Дождавшись последнего урока, он выбежал из класса и побежал домой по горной дороге.

Сяо Гао стоял у входа в деревню и ждал, издали виляя хвостом и подбегая. Но прежде чем он успел поиграть с Лу Жуном, он вновь забежал в деревню.

Лу Жун, запыхавшись, прибежал в сельскую управу, ворвавшись в дом, спросил: "Дядя Чэнь, мне звонили?"

Дядя Чэнь лежал на столе, копируя документы, и сказал, не поднимая головы: "Лу Жун, разве тебе не звонят каждую субботу? Сегодня только пятница, жди звонка завтра."

Пот выступил у Лу Жуна на лбу: "Когда мой гэгэ звонил на прошлой неделе, он сказал мне, что в эту пятницу у него не будет занятий, так что он позвонит мне."

"Хорошо, тогда подожди," — сказал дядя Чэнь.

"Мм, я посижу на месте дедушки."

Лу Жун сел за пустой стол, положил свою школьную сумку, достал из нее книги и начал делать домашнее задание.

Когда с домашним заданием было покончено, он стоял у молочно-белого телефона, тихо и терпеливо ожидая.

Вода на маленькой плите закипела, дядя Чэнь налил ее в бутылку с водой, а на плиту поставили еще одну кастрюлю с холодной водой.

Когда снова послышалось бульканье закипающей воды, дядя Чэнь посмотрел на него и сказал: "Жун-Жун, я иду домой готовить ужин. Возможно, тебе сегодня не позвонят. Ты пойдешь за своим дядей или останешься здесь и подождешь?"

Лу Жун сказал: "Дядя Чэнь, если у тебя есть какие-то дела, просто иди первым, а я подожду. Что, если поступит звонок? Не волнуйся, я закрою дверь, когда буду уходить."

В юном возрасте он говорил так организованно. Дядя Чэнь улыбнулся и коснулся его головы: "Хорошо, тогда дядя пойдет первым."

После того, как дядя Чэнь ушел, Сяо Гао тихо вошел, улегшись спать у ног Лу Жуна.

Лу Жун держался за голову левой рукой, а правой осторожно трогал телефон. Когда тот вдруг громко зазвонил, он опешил, а затем быстро схватил трубку.

Собираясь поздороваться, он быстро изменил тон и сказал хриплым голосом, как у взрослого: "Здравствуйте."

"Здравствуйте, Лу Жун здесь? Я его гэгэ," — из трубки донесся слегка искаженный голос Шэнь Цзицзе.

"Мяу, мяу, мяу."

Шэнь Цзицзе на мгновение опешил и неуверенно спросил: "Лу Жун здесь? Я его гэгэ."

"Мяу-мяу~" — На этот раз это была милая, пухлая кошечка.

"Гав-гав, гав-гав," — после того, как Шэнь Цзицзе рассмеялся, он вздрогнул.

"Мяу-мяу-мяу."

"Гав-гав."

...

Они долго кричали друг на друга разными интонациями, смеясь. Шэнь Цзицзе спросил: "Жун-Жун, ты получил деньги на содержание, который я отправил? Я оставил немного себе, а остальное отправил тебе."

"Получил." — Лу Жун мило ответил: "Я получил сегодня и положил в свою школьную сумку."

Шэнь Цзицзе услышав его радость, улыбнулся: "Я буду присылать тебе их каждый месяц."

Но Лу Жун снова вспомнил о трости дедушки Цая, поколебавшись мгновение, сказал: "Гэгэ, не посылай их мне. Во время летних каникул все деньги, которые ты мне дал, забрал дедушка. Он сказал, что хочет, чтобы дядя Шэнь вернул их тебе. Меня почти избили."

Шэнь Цзицзе был шокирован: "Разве ты не скрывал их? Как дедушка узнал об этом?"

"Я спрятал плату за содержание в шкафу и ее нашел дедушка, когда искал одежду..." — Голос Лу Жуна становился все тише и тише, выдавая глубокое разочарование.

"Ты сказал дедушке, что я дал тебе деньги?" — Спросил Шэнь Цзицзе.

Лу Жун: "Да."

Шэнь Цзицзе: "Это тоже не сработает?"

Лу Жун: "Нет."

"Тогда ты сказал, что я плачу за содержание семьи?"

"Сказал, он сначала рассмеялся. Я подумала, что пронесло, но после этого, он полез на шкаф за тростью. Я был так напуган, что поскользнулась, держа его ногу. Вот почему меня не избили," — сказал Лу Жун с затаенным страхом.

Шэнь Цзицзе вздохнул после минутного молчания: "Слишком сложно платить на содержание семьи. Я думал, что другие люди в вашей деревне очень рады получить деньги на содержание... Получил ли он подарок от моей матери через дядю? Принял ли он этот подарок?"

Забрав домой пакетик с вкусной свининой, подаренный дедушкой Цаем, мать Шэня в тот же день вышла из дома и купила много пекинских деликатесов, отправив их в горы. Она попросила Шэнь Яня передать это деду Цаю. Она также позвонила в деревенский комитет и предложила дедушке Цаю отвезти Лу Жуна в столица поиграть.

"Получил," — сказал Лу Жун.

"Ты видел, сколько шоколада я туда положил? Это настоящий шоколад Dove."

Лу Жун улыбнулся, когда тот упомянул об этом: "Я собираюсь съесть весь шоколад."

"Я пришлю тебе это снова после того, как ты съешь все, но будь осторожен и не ешь слишком

много, чтобы зубы снова не заболели."

"Хорошо."

Лу Жун вытащил квитанцию и печально сказал: "Но так трудно тратить средства на содержание семьи."

Шэнь Цзице торжественно сказал: "Как бы трудно это ни было, ты должен это взять. Просто спрячь это. Не позволяй дедушке найти это снова."

Лу Жун слегка поежился: "Гэгэ, разве мы не можем притвориться, что ты уже отправил деньги?"

"Нельзя." — Голос Шэнь Цзице повысился, его тон стал глубоким: "Это моя ответственность как мужа."

Лу Жун: Я не хочу, чтобы меня заставляли брать на себя ответственность за своего мужа...

"Не отправляй, хорошо? Я боюсь, что если дедушка узнает..."

Он действительно очень рад получать плату на содержание семьи, но скрывать эти деньги действительно болезненно.

Шэнь Цзице на мгновение задумался и сказал: "Что ж, я накоплю денег на содержание своей семьи и отдам их тебе в будущем."

"Да!" — Лу Жун мгновенно воспрянул духом.

Они долго разговаривали, обсуждая разные вещи.

Обычно в доме был дядя Чэнь, Лу Жун немного застенчив, поэтому просто здоровался, как котенок. Сегодня в офисе деревенского комитета никого не было, поэтому он был откровенен.

Он пробормотал что-то о птичьем гнезде, которое не опустошил в прошлый раз, яйца внутри уже превратились в маленьких птичек. Деревенские дети отправились кататься на свиньях, но те не смогли остановиться, бросились обратно в свинарник и чуть не сбросили людей в навозную яму.

Шэнь Цзице сказал, что сейчас он очень серьезно занимается, и учится по ночам до рассвета.

— Занятия в школе начались, а домашнее задание еще не было сделано, поэтому он прятался

под одеялом до четырех часов ночи, делая домашку.

Он также сказал, что его снова избрали старостой класса не только для того, чтобы справляться с тяжелой школьной работой, но и для того, чтобы взять на себя обязанности старосты, которые были не только интересными, но и утомительными.

— Как член спортивного комитета, он должен носить баскетбольные мячи перед занятием и возвращать их в инвентарную комнату после урока.

Они не знают, сколько времени это заняло, но на улице стемнело, и этим двоим пришлось неохотно попрощаться.

Когда они попрощались, раздалось еще одно мяуканье и гавканье.

Шэнь Цзицзе был очень ритуальным человеком. Даже если бы он лаял до этого, он бы торжественно сказал, вешая трубку: "Жена, береги свое здоровье и усердно учись. Пока."

Лу Жун, закончивший мяукать, тоже убрал улыбку и сказал серьезным тоном: "Муж, заботься о своем теле и усердно учись. Пока."

Когда Лу Жун вернулся домой, дедушка Цай готовил ужин на кухне. Он достал квитанцию и огляделся в своей маленькой спальне, но не смог найти места, где можно было что-то спрятать.

В конце концов он отодвинул картину и спрятал деньги в щель стены.

В ту ночь в горах внезапно пошел сильный дождь. Лу Жуну приснилось, что кто-то запускал петарды у него в ушах, а когда проснулся, понял, что это был шум дождя.

Он никогда не видел такого сильного дождя, в небе, казалось, разверзлась дыра, и вниз хлынуло огромное количество воды.

На улице горел свет, дед Цай открыл дверь дома, и Сяо Гао, выбежав из конуры в дом, с визгом подбежал к кровати Лу Жуна.

"Дедушка," — Лу Жун дотронулся до мокрой собачьей головы и громко позвал.

"Не вставай, Жун-Жун, в доме бабушки Ли никого нет, дом может рухнуть. Я пойду посмотрю и вернусь через некоторое время," — сказал дед Цай.

Лу Жун прижался лицом к оконному стеклу и увидел, как дедушка Цай, одетый в демисезонное пальто и непромокаемые сапоги, с черным зонтиком в руках, поспешно вышел

со двора и шагнул под проливной дождь.

Вспыхнул белый свет, мир осветило и тут же снова погрузило во тьму.

Через несколько секунд прогремел гром с такой силой, что зазвенели стекла в окнах.

Сяо Гао дважды тревожно заскулил, и Лу Жун успокаивающе погладил его.

Мгновение спустя с неба одна за другой посыпались молнии, которые, казалось, ударили в деревья вдалеке, издав резкий свистящий звук.

Свет в доме был приглушен, дождь совсем не утихал, а вода во дворе не успевала вытекать, собираясь в неглубокую лужу.

Лу Жун пристально смотрел на ворота внутреннего двора. Дедушка Цай долго не возвращался. Ему стало не по себе. Он обнял Сяо Гао и сказал: "Сяо Гао, будь послушным, я схожу и верну дедушку."

Сяо Гао только благоразумно завилял хвостом.

Лу Жун надел свою одежду, вытащил из-под кровати непромокаемые ботинки и зонтик из шкафа.

В тот момент, когда он открыл дверь, ворвался ветер с дождем, его обдало холодом.

Он поспешно раскрыл зонт, чтобы заслониться от него, закрыл дверь и покинул двор.

Дорога в деревне была залита водой, вся в ручьях. Когда вода протекла сквозь ботинки, на голенище образовались небольшие брызги.

Лу Жун огляделся и направился к дому старушки Ли, который стоял с краю на востоке.

По пути в каждом доме горел свет, все не могли уснуть. Камни были размыты дождем, и грохочущий шум время от времени пугал людей.

Все тело Лу Жуна быстро промокло насквозь, а маленький зонтик вообще не мог защитить от ветра и дождя. Брюки промокли на ногах, дождь просачивался ботинки, отчего он чувствовал себя очень некомфортно.

У семьи Ли был уникальный дом, необходимо было выйти из деревни и пройти по горной дороге.

Как только он подошел ко входу в деревню, вспышка молнии осветила западный край деревни. После колючего взрыва искр вся деревня погрузилась во тьму.

Отключилась электроэнергия.

Сквозь пелену дождя перед ним появился едва заметный свет, кто-то держал в руках фонарик.

Лу Жун прошел немного вперед, чтобы ясно увидеть чужую фигуру и одежду. Человек, медленно и осторожно шедший вперед, был дедушкой Цаем.

Он не осмеливался броситься вперед. Когда дед Цай увидит, что он здесь, определенно разозлится и прогонит его обратно, поэтому ему оставалось только молча следовать за ним, как маленький хвостик.

Ноги дедушки Цая не очень гибкие, особенно в такую темную ночь, ветер, дождь и скользкие дороги заставляли его передвигаться очень медленно.

К счастью, каждая ступенька была устойчивой, и не было ощущения, что он упадет.

Лу Жун тихо следовал за ним на расстоянии более десяти метров, ветер, дождь и ночь заставили его скрыть свое местонахождение, поэтому дедушка Цай его не обнаружил.

Эта дорога проходит недалеко от вершины, дальше находился двор дома Ли. Лу Жун собирался найти место, где можно спрятаться, и подождать, пока дед Цай выйдет вновь, прежде чем последовать за ним обратно.

В этот момент он остро почувствовал, что что-то не так.

Это был врожденный инстинкт, который заставлял его чувствовать опасность. Волосы у него на затылке встали дыбом, а сердце продолжало биться.

Лу Жун остановился и огляделся. Он не мог видеть слишком далеко за завесой дождя, были видны только смутные контуры гор и полей.

Но когда он посмотрел вверх, сквозь туманный свет неба, он увидел огромную черную тень, несколько раз покачивающуюся на утесе, которая начала падать.

И прямо под темной тенью был дедушка Цай, медленнодвигающийся вперед.

Звуки грома и дождя перекрыли движение обрушивающихся скал. Дедушка Цай ничего не знал о том, что происходило у него над головой, он не знал, что падает валун, который через

мгновение раздавит его на куски.

Зрачки Лу Жуна внезапно сузились, он мог только смотреть на темную тень.

Тридцать метров.

Двадцать метров.

Десять метров.

Белый олененок выпрыгнул из-за дождевой завесы и стрелой устремился вперед. Когда валун уже был готов ударить деда Цая, он поднял голову, приподнимая чужую одежду на спине двумя серебряными рожками, выпрыгивая вместе с человеком.

Все произошло в мгновение ока. Дедушка Цай только почувствовал, что летит, и уже через несколько секунд его ноги коснулись земли. В тот же момент позади него раздался громкий шум, и земля, казалось, задрожала.

Дедушка Цай постоял на месте несколько секунд, как будто не пришел в себя, успокоившись, он с дрожью повернул голову, чтобы посмотреть.

Позади него был огромный камень, который упал туда, где он только что был. Кроме него, больше никого не было.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14910/1326858>